

На правах рукописи

АЛПЕЕВ ОЛЕГ ЕВГЕНЬЕВИЧ

**ДОКУМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ВОЕННЫХ ИГР ГЕНЕРАЛЬНОГО
ШТАБА РУССКОЙ АРМИИ 1906—1914 гг.: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 07.00.09 — Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 2015

Работа выполнена на кафедре источниковедения высшей школы источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин факультета архивного дела историко-архивного института федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ).

Научный руководитель:

Дурновцев Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), заведующий кафедрой источниковедения высшей школы источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин факультета архивного дела историко-архивного института

Официальные оппоненты:

Шацилло Вячеслав Корнельевич, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт всеобщей истории Российской академии наук, ведущий научный сотрудник

Каширин Василий Борисович, кандидат исторических наук, федеральное государственное научное бюджетное учреждение «Российский институт стратегических исследований», ведущий научный сотрудник

Ведущая организация:

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Московский государственный областной Университет

Защита состоится «27» марта 2015 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.198.03, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), по адресу: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет» по адресу: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д. 6. и на сайте РГГУ: <http://dissovet.rggu.ru/section.html?id=11796>

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

Е.В. Барышева

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертации. Делопроизводственные документы являются для современных исследователей одними из основных источников по истории России нового и новейшего времени. Тем не менее, материалы специальных систем документации, в том числе военной, сравнительно редко выступают в качестве объекта самостоятельного исследования.

Важной и актуальной научной проблемой следует признать разработку особых методик источниковедческого изучения военных документов и использование их в исторических исследованиях. Это связано со спецификой этих источников, требующих иных методов и приемов работы с ними, нежели материалы общегражданского делопроизводства, успешно используемые историками. В отличие от последних, военная документация представляет собой предельно формализованные и унифицированные с точки зрения формуляра и содержания материалы, включающие в себя как текстовые документы многих разновидностей, так и графические (схемы и карты), что предполагает использование при их изучении особых методик и комплексного подхода. Вместе с тем, разработка методики их источниковедческого анализа открывает путь к введению в научный оборот значительных документальных комплексов военной системы документации, на основании которых представляется возможным решить ряд крупных исследовательских проблем. Одним из таких комплексов военной документации следует признать документы стратегических военных игр Генерального штаба русской армии.

Использование этого нового комплекса исторических источников и разработка методики их источниковедческого изучения позволяет на новом уровне обратиться к важной и актуальной проблеме стратегического планирования Российской империи накануне Первой мировой войны, исследовать которую историки до настоящего времени пытались на основании крайне ограниченной источниковой базы. Между тем опыт изучения истории разработки военных планов в России в конце XIX — начале XX свидетельствует как раз о необходимости привлечения новых источников. Так, известная концепция истории

стратегического планирования, автором которой был выдающийся русский историк А.М. Зайончковский, основывалась главным образом на итоговых директивных документах стратегического планирования центрального органа русского Генерального штаба — его Главного управления (далее — ГУГШ). В результате эволюция стратегического планирования не была раскрыта в полной мере, а собственно стратегическое планирование рассматривалось изолированно от изменений, происходивших во внешней политике и вооруженных силах России. Итоговые документы русского стратегического планирования — «Высочайшие указания командующим войсками на случай войны» — носили директивный характер и содержали последовательное изложение состава предполагавшихся к развертыванию фронтов и армий, описание районов их сосредоточения, поставленных целей и ближайших задач. Их отличительной особенностью являлось то, что они ограничивались постановкой целей и задач фронтам и армиям только на период мобилизации и сосредоточения.

Важнейшими делопроизводственными источниками, позволяющими компенсировать слабую информативность итоговых директивных документов и представить историю разработки планов войны как сложный эволюционный процесс, являются документы стратегических военных игр. Эти игры, ежегодно проводившиеся русским Генштабом на различных его уровнях и представлявшие собой моделирование боевых действий на картах, служили, во-первых, методом оперативной подготовки командного состава и штабных работников и ознакомления их с театром военных действий, а во-вторых, инструментом оценки эффективности стратегического планирования. К стратегическим военным играм относились занятия, проводившиеся в штабах военных округов и лишь эпизодически — в ГУГШ. Организаторами стратегических игр в военных округах выступали отчетные отделения окружных штабов. Проведение игр в ГУГШ находилось в сфере ответственности управления (отдела) генерал-квартирмейстера. Это же управление вело всю переписку об организации игр со штабами округов. В ходе занятий при окружных штабах разыгрывались армейские операции на одном операционном направлении¹. Игры, охватывающие действия на

¹ По современной классификации игры штабов военных округов относятся к оперативным, или, в случае розыгрыша отдельных боев, — к оперативно-тактическим.

целом театре военных действий, организовывались ГУГШ только два раза — в декабре 1910 г. (игра не состоялась) и в апреле 1914 г. в Киеве. К этим занятиям привлекались офицеры Генерального штаба, а также высшие строевые начальники — командиры отдельных частей, начальники дивизий, командиры армейских корпусов, командующие войсками военных округов.

Важнейшей особенностью организации стратегических игр являлось использование при их проведении действительных данных о развертывании русской армии в случае войны. Документация игр отражает динамику изменений стратегических взглядов высшего военного командования на разработку планов войны. Использование в качестве исходной обстановки реальных военных планов Российской империи отличало стратегические игры от тактических, проводившихся при корпусных штабах. Кроме того, события, разыгрывавшиеся в ходе занятий, хронологически выходили за рамки периода мобилизации и сосредоточения, что дает представления о задачах русских войск в случае войны с державами Тройственного союза. Привлечение документов этих занятий позволяет раскрыть характер и динамику русского стратегического планирования, показать эволюцию взглядов высшего военного руководства на стратегическое применение сухопутных вооруженных сил и ответить на вопрос об ответственности Генерального штаба Российской империи за неудачное начало войны.

Таким образом, разработка методики источниковедческого изучения документов стратегических военных игр Генерального штаба русской армии 1906—1914 гг. и привлечение их для исследования стратегического планирования Российской империи перед Первой мировой войны представляется актуальной научной проблемой.

Историография проблемы. В советской, русской эмигрантской и зарубежной историографии отсутствуют работы, специально посвященные анализу делопроизводственной документации стратегических военных игр Генерального штаба России. Исследователи рассматривали только отдельные аспекты истории, организации и ведения военных игр в русской армии, используя делопроизводственные документы только незначительного количества занятий. Так, в 1919 г. в первом выпуске «Военно-исторического сборника» вышла большая статья бывшего генерал-майора царской армии А.Н. Суворова, посвященная

стратегической игре старших войсковых начальников 20—24 апреля 1914 г. в Киеве. В ней автор реконструировал ход игры, однако всесторонне проанализировать имевшиеся в его распоряжении документы ему не удалось. Этой же игре посвятил отдельную главу диссертации «Проблема стратегического развертывания» В.А. Меликов, где были целиком воспроизведены основные положения и выводы статьи Суворова.

Вопросы появления и распространения военной игры в русской армии были рассмотрены в докторской диссертации В.В. Иконова и менее подробно в его статьях. Значительным вкладом в изучение истории военной игры в России является монография современного американского исследователя Дж. У. Стейнберга «Вся царская рать. Русский Генеральный штаб и судьба империи, 1898—1914 гг.», посвященная обучению и подготовке офицеров Генштаба.

Так как документы стратегических военных игр относятся к военной системе документации, в диссертации также используются работы, в которых рассматриваются проблемы источниковедческого изучения делопроизводственных материалов военного ведомства пореформенного периода. Среди них следует выделить работы Л.Г. Бескровного и В.Т. Логина.

Источниковедческая проблематика затрагивается также в исследовательской литературе, посвященной истории делопроизводства. Здесь в первую очередь назовем труды К.Г. Митяева, А.Н. Соковой и М.П. Илюшенко, в которых изучаются вопросы развития законодательной базы военной системы документации. Методологические основы работы с делопроизводственными источниками изложены в книгах и статьях Л.Е. Шепелева, Г.М. Горфейна, Б.Г. Литвака и др.

В настоящей работе документы стратегических военных игр русского Генерального штаба рассматривались как важнейшие источники по истории стратегического планирования в конце XIX — начале XX в. Это обстоятельство определило необходимость привлечь обширный круг исследований по различным аспектам подготовки России к большой общеевропейской войне. Данные исследования можно разделить на несколько групп.

Первую группу составляют труды, непосредственно касающиеся истории стратегического планирования. Наиболее подробной в этой области остается

монография А.М. Зайончковского «Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов». Основные положения труда Зайончковского были незначительно развиты в работах его последователей — В.А. Меликова, И.И. Ростунова, О.В. Саксонова и др.

Ко второй группе использованных в диссертации работ относятся труды по истории и организации русского Генерального штаба — главного планирующего органа империи, ответственного также и за проведение военных игр. В первую очередь отметим книги и статьи Н.П. Глиноецкого, А.Г. Кавтарадзе, В.Т. Иминова, позволившие объяснить особенности организации военных игр на различных уровнях Генштаба империи — в центральном органе (ГУГШ) и в войсковом Генштабе, т.е. в штабах военных округов.

Третью группу составляют исследования по истории разведки, донесения которой оказывали серьезное влияние на разработку планов войны. Это прежде всего монографии К.К. Звонарева, М. Алексеева, Е.Ю. Сергеева и А.А. Улуняна. Эти работы дали возможность проследить роль разведанных в принятии важнейших стратегических решений, нашедших воплощение в ходе военных игр.

Четвертая группа — это труды, посвященные истории развития транспортной сети и крепостного строительства в России в конце XIX — начале XX в. Среди важнейших из них назовем книги К.И. Величко, К.М. Ушакова, В.В. Яковлева, статью Э. Дж. Хейвуда. Их привлечение позволило продемонстрировать взаимосвязь развития инженерной подготовки театра военных действий и транспортных коммуникаций России и эволюции русского стратегического планирования.

Изучение стратегических планов русского Генерального штаба предполагало их сопоставление с военными планами потенциальных противников России. Германское стратегическое планирование наиболее детально исследовано современным американским историком Т. Зубером. Самой подробной работой по австро-венгерскому планированию является книга Г.А. Тунстолла-младшего.

С целью реконструкции международного контекста, в котором осуществлялась разработка планов войны России, в работе использовались обобщающие труды по истории дипломатии и внешней политики. Наиболее

важным из них остается монография А.М. Зайончковского «Подготовка России к мировой войне в международном отношении».

Объектом исследования являлся корпус источников по истории русского стратегического планирования в период между русско-японской и Первой мировой войнами.

Предметом исследования являлась делопроизводственная документация стратегических военных игр русского Генштаба, представленная организационно-распорядительной перепиской и оперативными документами: заданиями («предположениями»), диспозициями, директивами, приказами, журналами военных действий, отчетами, а также ее информационный потенциал.

Цель работы заключалась в раскрытии информационного потенциала делопроизводственной документации стратегических военных игр Генерального штаба русской армии как источников по истории стратегического планирования в России в 1906—1914 гг.

Для реализации поставленной цели были решены следующие **задачи**:

1) Определены и охарактеризованы основные этапы развития теории и практики военных игр в России в XIX — начале XX в., раскрыто влияние современной военно-теоретической мысли на особенности их организации.

2) Реконструирована система организационного, нормативно-правового и документационного обеспечения стратегических военных игр в России в 1906—1914 гг.

3) Рассмотрен состав документов стратегических военных игр русского Генерального штаба накануне Первой мировой войны.

4) Предложена методика источниковедческого изучения документов стратегических военных игр.

5) Оценены информационные возможности делопроизводственной документации стратегических военных игр для воссоздания эволюции взглядов руководства Генерального штаба Российской империи на стратегическое применение сухопутных вооруженных сил в случае войны с державами Тройственного союза в 1906—1914 гг.

6) Продемонстрировано значение документов стратегических военных игр для целостной реконструкции истории стратегического планирования в России в

1906—1914 гг.

Хронологические рамки исследования (1906—1914 гг.) определялись следующими обстоятельствами. Во-первых, поражение в русско-японской войне 1904—1905 гг. вызвало пересмотр стратегических потребностей среди высшего руководства империи и привело к изменению характера военных планов, что нашло отражение в документации военных игр.

Во-вторых, после 1906 г. стратегические военные игры были введены в качестве обязательного занятия со старшим командным составом и штабными работниками в русской армии. Начало этому процессу было положено зимой-весной 1906/07 г. проведением игр под руководством начальника Генерального штаба Ф.Ф. Палицына с офицерами, служившими в ГУГШ и в штабах Виленского, Варшавского и Киевского военных округов.

Методологическая основа. Метод источниковедения, включающий исследование происхождения исторического источника, изучение его состава и содержания, оценку его информационного потенциала, являлся основным. В исследовании была предложена методика его применения в сочетании с прочими историческими методами для изучения документов стратегических военных игр. На первом этапе их источниковедческого анализа реконструировались документальные комплексы игр, что позволило выявлять наиболее информативные материалы для воссоздания хода занятий. Это выполнялось при помощи архивоведческого метода функционального анализа, позволяющего раскрыть связь между ценностью документа и значимостью той функции, которую он реализует.

На следующем этапе проводилось извлечение из материалов военных игр информации о стратегическом планировании при помощи реконструкции хода занятий, выполняемого на основе их документов, и последующее компаративное ее изучение с данными планирующих документов Генерального штаба русской армии. Здесь основным являлся сравнительный метод. Т.о. была актуализирована латентная информация о стратегическом планировании, содержащаяся в документах военных игр русского Генерального штаба, раскрыт их информационный потенциал.

Применение предложенной методики для изучения документов стратегических военных игр осуществлялось в работе на примере материалов

ГУГШ (включая организованные этим управлением игры со старшими войсковыми начальниками 1910 и 1914 гг.) и штабов четырех европейских военных округов — Варшавского, Виленского, Киевского и Московского. Это было обусловлено, во-первых, общностью театра военных действий, на котором проводились занятия, и, во-вторых, ролью ГУГШ и штабов перечисленных военных округов в русском стратегическом планировании перед Первой мировой войной, т.к. они осуществляли разработку планов войны против главных потенциальных противников России — Германии и Австро-Венгрии.

В диссертации использовались методы и приемы вспомогательных исторических дисциплин — палеографии рукописных и машинописных документов Нового времени (неографии), метрологии и хронологии, дипломатики. В процессе реконструкции хода стратегических военных игр, проводящегося на заключительном этапе анализа их документов, применялся особый метод исторической географии — картографирование. Количественные показатели военных игр и их документации изучались при помощи количественных методов.

Источниковую базу исследования составляла делопроизводственная документация стратегических военных игр Генштаба, хранящаяся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Всего в процессе исследования выявлено 115 ед. хр., содержащих документы 62 стратегических военных игр. Эти материалы отложились в фондах ГУГШ (ф. 2000), штабов Варшавского (ф. 1859), Виленского (ф. 1956), Иркутского (ф. 1468), Кавказского (ф. 1300), Киевского (ф. 1759), Московского (ф. 1606), Одесского (ф. 1837) и Туркестанского (ф. 1936) военных округов. В фондах штабов четырех оставшихся военных округов — Казанского (ф. 1720), Омского (ф. 1450), Петроградского (ф. 1343, до 1914 г. — штаб войск Гвардии и Петербургского военного округа) и Приамурского (ф. 1694) — документов военных игр обнаружить не удалось.

Кроме делопроизводственной документации военных игр в работе использовались документы стратегического планирования русского Генерального штаба, составлявшие в совокупности план войны Российской империи — т.н. «мобилизационное расписание». Эти материалы сопоставлялись с документами военных игр с целью выявления и последующей интерпретации сходства или различия в их данных, относящихся к стратегическому планированию.

Наряду с архивными документами в диссертации широко использовались опубликованные источники, среди которых можно выделить четыре основные группы. К первой относятся законодательные источники. Это прежде всего кодексы русского военного законодательства пореформенного периода — «Свод военных постановлений 1859 года» и «Свод военных постановлений 1869 года», а также официальные публикации приказов по военному ведомству.

Ко второй группе относятся уставы, наставления и руководства, в т.ч. по ведению военных игр. В первую очередь назовем главные уставные документы императорской армии — «Устав полевой службы и наставление для действия в бою отрядов из всех родов оружия» 1904 г. и «Устав полевой службы» 1912 г. Двумя важнейшими нормативно-методическими документами, регулировавшими проведение военных игр в России являлись «Свод указаний, данных начальником Генерального штаба во время военной игры офицеров Генерального штаба в 1907 году», составленный Ф.Ф. Палицыным, и «Наставление для офицерских занятий» 1909 г. Здесь также необходимо отметить наставления и руководства по военным играм, разработанные штабами военных округов. Среди них выделяются пособия М.А. Сулькевича и В.А. Косякова.

Третью группу опубликованных источников составляют военно-теоретические труды. К этой же группе источников нужно отнести полемические статьи по вопросам развития военной игры, публиковавшиеся главным образом в официальных печатных органах Военного министерства — журнале «Военный сборник» и газете «Русский инвалид». Привлечение источников второй и третьей групп позволило всесторонне изучить теорию, методику и практику организации и ведения стратегических военных игр русского Генерального штаба. Эта же группа источников включает в себя теоретические работы в области общих проблем военного искусства и стратегии русских и зарубежных авторов. С их помощью представилось возможным раскрыть характер и направленность русского стратегического планирования в конце XIX — начале XX в., а также ответить на вопрос о влиянии современной военно-теоретической мысли на организацию и методику ведения военных игр.

Последнюю группу опубликованных источников, использованных в диссертации, составляют источники личного происхождения — мемуары и

дневники представителей военного ведомства Российской империи. Их привлечение не только позволило уточнить некоторые вопросы, связанные с проведением военных игр, но и компенсировать в ряде случаев недостаточную информативность делопроизводственной документации.

Научная новизна работы:

1) Впервые на основании делопроизводственных документов, теоретической и нормативно-методической литературы прослежено зарождение и развитие русской школы военной игры в России с момента проведения первого занятия в 1824 г. и до 1914 г. В развитии военной игры выделяются три этапа: 1) «просветительский» (20-е — 60-е гг. XIX в.), когда игра определялась как всеобъемлющее средство подготовки офицеров. 2) «Позитивистский» (70-е гг. XIX в. — 1904 г.), в ходе которого происходило формирование научной школы военной игры. В этот период она рассматривалась как вспомогательное средство обучения офицеров и генералов. 3) Последний этап (1906—1914 гг.), характеризовался включением военной игры в круг обязательных занятий с командным составом и штабными работниками. Было сделано заключение, что главными особенностями русской школы военной являлся принцип ограничения занятий розыгрышем действий, предшествующих столкновению главных сил, и отсутствие единых стандартов их организации и ведения. На основе изучения материалов военных игр был сделан вывод о повсеместном использовании военных игр как для совершенствования профессиональных качеств и навыков старшего командного состава и штабных работников, так и в работах по стратегическому планированию, а также опровергается устоявшееся в исторической литературе мнение о недостатке внимания, уделяемого этой форме оперативной подготовки русским Генеральным штабом.

2) Проведена реконструкция нормативно-правового, организационного и документационного обеспечения стратегических военных игр. На ее основании удалось показать, что организация военных игр в русской армии и нормативно-методическая литература отвечали возлагаемым на них задачам и позволяли проводить занятия со старшим командным составом и штабными работниками с целью совершенствования их навыков и проверки военных планов. Среди документов стратегических военных игр выделяются две большие группы — об

организации занятий и об их проведении. Наиболее ценную информацию несут материалы второй группы. Особой характеристикой, объединяющей все документы стратегических военных игр, является использование в них действительных данных о развертывании русской армии, благодаря чему они выступают в качестве важнейших источников по истории стратегического планирования перед Первой мировой войной.

3) Разработана методика источниковедческого изучения стратегических военных игр русского Генерального штаба 1906—1914 гг., основанная на реконструкции хода занятий и последующем сравнительном анализе полученной информации с данными планирующих документов русского Генштаба.

4) Изучение делопроизводственной документации стратегических военных игр позволило реконструировать процесс разработки плана войны России в начале XX в. и пересмотреть традиционную хронологию развития русского стратегического планирования между русско-японской и Первой мировой войнами, предложенную А.М. Зайончковским. Был сделан вывод, что в развитии плана войны Генерального штаба Российской империи в 1906—1914 гг. существовали три этапа: 1) первый этап (1906—1910 гг.), в течение которого русский Генеральный штаб придерживался оборонительных взглядов на ведение войны с Тройственным союзом, что объяснялось слабостью вооруженных сил России после окончания русско-японской войны. 2) Второй период развития плана войны Российской империи (1910—1911 гг.) характеризовался возрождением наступательных тенденций в Генштабе, что привело к началу подготовки к нанесению главного удара по Германии. 3) Последний этап в эволюции плана войны Российской империи (1912—1914 гг.) также характеризовался господством наступательных взглядов, но теперь военное руководство России основное внимание уделяло подготовке к вторжению в пределы Австро-Венгерской империи, не отказываясь от идеи захвата Восточной Пруссии. Таким образом, русское военное планирование эволюционировало от осторожной стратегии в сторону рискованной концепции одновременного наступления на двух стратегических направлениях.

Практическая значимость исследования. Впервые предложенная методика источниковедческого изучения документов стратегических военных игр может

быть применена при изучении документов других форм занятий с командным составом и штабными работниками — полевых поездок и тактических/стратегических задач. Кроме того, выводы настоящей работы могут найти применение при исследовании документов военных игр прочих стран-участниц Первой мировой войны — Германии, Австро-Венгрии и др.

Результаты исследования могут использоваться в научно-исследовательской практике, а также в учебном процессе при разработке учебных курсов и учебно-методических пособий по источниковедению и отечественной истории.

Структура работы соответствует задачам исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы и трех приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **введении** обосновываются актуальность темы исследования; анализируется историография проблемы; формулируются объект, предмет, цели и задачи исследования; обозначаются хронологические рамки и методологические основы работы; дается характеристика корпуса источников; обосновываются новизна и практическая значимость исследования.

Первая глава **«Стратегические военные игры русского Генерального штаба: история, организация и методика источниковедческого изучения документов»** посвящена истории, организационному и документационному обеспечению военных игр в России, а также методике источниковедческого анализа их материалов. В первом параграфе рассматриваются предпосылки возникновения, появление и развитие теории и практики военных игр в Западной Европе и России в XIX — начале XX в. Основоположником современной теории и практики военных игр считается лейтенант прусской армии барон Георг фон Рейсвиц, опубликовавший разработанные им правила в 1824 г. К концу XIX в. военная игра в германской армии стала основным научным методом оперативной подготовки и проверки планов войны. При помощи военных игр создавалась необходимая эмпирическая база, служившая основой для принятия важнейших решений в сфере стратегического планирования. Делается вывод, что опыт,

накопленный прусско-германским Генеральным штабом в теории и практике военных игр стал широко использоваться во многих странах, в том числе и в России.

В развитии игры в России следует выделить три этапа. Первый, «просветительский», охватывал промежуток времени со второй четверти и до 60-х гг. XIX в., когда игра определялась как всеобъемлющее средство подготовки офицеров. Первые правила ведения занятий основывались на математических вычислениях, при помощи которых определялись результаты атак и потери в живой силе, а также на жребии.

Основным содержанием второго, «позитивистского», этапа развития игровой теории, длившегося с 70-х гг. и до начала русско-японской войны, стало формирование научной школы военной игры. В начале второй половины XIX в. разработчикам руководств по военной игре стало очевидно, что существовавшие математические правила расчета потерь и определения результатов столкновений представляют собой серьезное препятствие для широкого ее распространения. Русская школа военной игры отвергла основанные на жребии правила определения потерь и результатов столкновений как ненаучные и недостаточно объективные, но предложить новые принципы розыгрыша боя она не смогла. Главной ее особенностью следует признать отказ от розыгрыша столкновения главных сил. В 70-х гг. XIX в. военные теоретики П.П. Казанский и А.П. Скугаревский создают оригинальные руководства по ведению занятий, но статуса обязательных упражнений военная игра не приобретает. С этого момента она рассматривалась исключительно как вспомогательное средство обучения офицеров и генералов. Тогда же сложились базовые принципы ведения занятий, действовавшие вплоть до начала Первой мировой войны. В 1902 г. усилиями штаба Варшавского военного округа была разработана удачная организация стратегической игры, позволявшая использовать ее с целью проверки планов войны.

Последний этап, связанный с реформаторской деятельностью первого начальника Генерального штаба Ф.Ф. Палицына, характеризовался включением военной игры в круг обязательных занятий с командным составом и штабными работниками. Он длился с 1906 по 1914 гг. Необходимость реформирования военной игры диктовалась плачевными результатами русско-японской войны,

вскрывшей значительные изъяны в подготовке старших войсковых начальников и офицеров Генерального штаба. В 1909 г. было издано «Наставление для офицерских занятий», регламентировавшее проведение военных игр и закреплявшее обязательный ее статус. Главным результатом эволюции военной игры в этот период стало повсеместное ее введение в войсках и штабах, а также появление исчерпывающих руководств по ее ведению.

Делается вывод, что русская школа военной игры развивалась начиная с 1824 г. под влиянием позитивистской военной теории, что неизбежно отразилось на организационном и документационном обеспечении занятий. Позитивистская военная наука, господствовавшая в русской армии пореформенного периода, требовала, чтобы моделирование действий в ходе стратегических игр было максимально приближенным к реальным боевым действиям. В силу этого обстоятельства документация, использовавшаяся в процессе занятий, полностью соответствовала оперативному делопроизводству, принятому в сухопутных вооруженных силах, что делает возможной полную реконструкцию хода военных игр.

Второй параграф главы посвящен организации стратегических военных игр в России в начале XX в. К стратегическим играм относились занятия, проводившиеся в штабах военных округов и лишь эпизодически — в ГУГШ (в 1906—1909 гг.). Их организаторами в военных округах выступали отчетные отделения окружных штабов. Проведение игр в ГУГШ находилось в сфере ответственности управления (впоследствии отдела) генерал-квартирмейстера.

Как правило, при окружных штабах ежегодно организовывались две стратегические игры: одна — для офицеров Генерального штаба, вторая — для старших войсковых начальников. В их ходе разыгрывались армейские операции на одном операционном направлении. Необходимо отметить, что в соответствии с требованиями современной военной науки игры при окружных штабах должны классифицироваться как оперативные или даже оперативно-тактические. Игры, охватывающие действия на целом театре военных действий, организовывались ГУГШ только два раза — в декабре 1910 г. (игра не состоялась) и в апреле 1914 г. в Киеве. В ходе последней разыгрывались две фронтовые операции.

На основании анализа сохранившихся списков участников стратегических военных игр при штабе Варшавского военного округа делается вывод, что привлечение к военным играм высшего начальствующего состава и штабных работников носило широкий характер. Так, к упражнениям при штабе округа привлекались до 80 % корпусных командиров, до 88 % начальников дивизий, до 80 % начальников штабов корпусов и до 60 % начальников штабов дивизий.

Далее в параграфе реконструируется примерный порядок ведения игр. В процессе занятий действия сторон согласовывались с требованиями уставов. Все распоряжения сторон облекались в форму диспозиций, директив и приказаний и отдавалась письменно. Они проверялись по форме и по существу руководителем и посредниками. Занятия доводились, как правило, только до начала столкновения главных сил сторон. После завершения игры производился заключительный разбор занятий руководителем.

Анализ нормативно-методических документов показывает, что Генеральному штабу Российской империи удалось справиться с методическим обеспечением ведения занятий. Главным достижением русской школы военной игры следует признать возможность моделирования в ходе упражнений всех сторон деятельности войск, предшествующей боевым столкновениям.

В третьем параграфе анализируются основные разновидности документов стратегических военных игр и предлагаются методы их источниковедческого изучения. Как уже упоминалось выше, в ходе исследования в фондах РГВИА было выявлено 115 ед. хр., содержащих документы 62 стратегических военных игр русского Генерального штаба, что составляет примерно 44—48 % от всех состоявшихся занятий.

Все выявленные документы можно разделить на две группы — об организации военных игр и об их проведении — в зависимости от того, к какой подсистеме военной документации они относятся. Материалы первой группы принадлежат к организационно-распорядительной документации, материалы второй — к оперативной. Среди документов первой группы следует выделить переписку ГУГШ, окружных и войсковых штабов об организации занятий, доклады, программы военных игр, инструкции, списки участников. Материалы второй группы представлены заданиями, боевыми документами — диспозициями

или приказами, директивами или наставлениями, докладами участников, журналами занятий, итоговыми отчетными документами, картографическими материалами. При их помощи реконструируется ход игр.

Важнейшими с источниковедческой точки зрения материалами стратегических военных игр являются итоговые отчетные документы. Они аккумулировали данные всех прочих оперативных документов и содержали результаты разбора игры штабом руководства.

В диссертации предлагается следующий порядок работы с документами стратегических военных игр 1906—1914 гг. На первом этапе после выявления всего массива необходимо установить принадлежность каждого документа к определенному занятию. Таким образом воссоздаются документальные комплексы военных игр. Практическая значимость реконструкции документальных комплексов заключается в том, что она позволяет выявлять наиболее информативные материалы для воссоздания хода занятий.

Важнейшей характеристикой массива документов стратегических военных игр нужно признать использование в них действительных данных о развертывании русской армии. Благодаря этому они являются важными источниками по истории стратегического планирования в конце XIX — начале XX в. В основу исходной обстановки каждой игры закладывался текущий или разрабатываемый план развертывания.

Но, так как проверка планов войны не всегда являлась целью военных игр, а в подавляющем большинстве заданий для занятий отсутствуют указания на то, что в ходе игры вводился в действие тот или иной план войны, поверхностное ознакомление с обстановкой, сложившейся в процессе каждой игры и отразившейся в ее документации, не может позволить оценить информационный потенциал этих материалов как источников по истории военного планирования в России в начале XX в. Поэтому информация о стратегическом планировании, содержащаяся в материалах игр, является латентной (структурной). Ее извлечение составляет цель следующего этапа источниковедческого анализа. Чтобы актуализировать латентную информацию о стратегическом планировании, содержащуюся в документах стратегических военных игр русского Генерального штаба, необходимо реконструировать ход этих занятий. Выполнение такой

реконструкции позволяет представить, как развивались бы события в случае введения в действие того или иного плана войны, какими они виделись сотрудникам Генштаба Российской империи. Реконструкция хода военных игр является важнейшим компонентом анализа содержания их документации, т.к. полученные сведения о событиях, происходивших в процессе занятий, поддаются сравнительному анализу с данными планирующих документов Генштаба русской армии и дают возможность ответить на вопрос, насколько в материалах военных игр нашли отражение действительные планы войны России. Т.о. с целью всесторонней оценки информационного потенциала документов военных игр применяется сравнительный метод, при помощи которого их содержание сопоставляется с данными планирующих и директивных документов русского Генерального штаба — докладами и докладными записками, директивными указаниями командующим войсками военных округов, перепиской по изменению планов развертывания, отчетными работами окружных штабов, планами войсковых перевозок, графическими материалами и др. В совокупности они составляли комплекс документов стратегического плана войны — «мобилизационное расписание». В рассматриваемый период в России последовательно сменилось два мобилизационных расписания. Первым было введенное в действие в 1906 г. «мобилизационное расписание № 18 восстановленное». В 1910 г. в силу вступило «мобилизационное расписание 1910 года». Оно просуществовало с изменениями до начала Первой мировой войны. На его основе осуществлялись мобилизация и сосредоточение русской армии летом 1914 г. Планы развертывания войск обновлялись чаще — в 1906/07, 1909, 1910 и 1912 гг.

Реконструированные комплексы документов военных игр необходимо систематизировать в соответствии с принадлежностью к тому или иному плану войны. Внутри получившихся хронологических групп их необходимо дополнительно систематизировать по организатору занятий (ГУГШ, окружные штабы). Это позволяет изучать материалы военных игр в контексте планирования боевых действий на разных стратегических и операционных направлениях.

Основной задачей сравнительного анализа документов стратегических военных игр и планирующих документов Генерального штаба является установление сходства или различия в их данных и последующая интерпретация

полученных результатов. Делается вывод, что материалы военных игр обладают большей информативностью, чем традиционно используемые историками документы стратегического планирования. Это связано с тем, что итоговые директивные документы русского Генерального штаба — «Высочайшие указания командующим войсками на случай войны» — ограничивались общей постановкой целей перед фронтами и армиям. Они не позволяют реконструировать в полном объеме планы применения вооруженных сил России. Использование информационного потенциала материалов военных игр дает возможность более глубоко изучить динамику развития русского плана войны в 1906—1914 гг. и реконструировать взгляды военного руководства Российской империи на стратегическое применение сухопутных вооруженных сил.

Заключительным этапом источниковедческого изучения документов военных игр является воссоздание целостной картины эволюции русского стратегического планирования перед Первой мировой войной, осуществляемое на основании материалов стратегических военных игр ГУГШ и штабов четырех европейских военных округов — Варшавского, Виленского, Киевского и Московского. Обращение к документам военных игр указанных организаторов представляется актуальным, т.к. содержащаяся в них информация тесно связана с проблематикой готовности России к общеевропейскому вооруженному конфликту. Изучение их материалов позволяет понять причины катастрофического исхода вторжения в Восточную Пруссию и нерешительного результата Галицийской битвы. Также оно дает возможность ответить на вопрос, являлись ли эти неудачи следствием провала предвоенного планирования в Генеральном штабе Российской империи?

Во второй главе **«Делопроизводственная документация стратегических военных игр Генерального штаба русской армии как источник по истории стратегического планирования перед Первой мировой войной (1906—1914 гг.)»** анализируется содержание документов стратегических военных игр Генштаба Российской империи.

В первом параграфе рассматриваются материалы военных игр, проведенных в 1906—1910 г. во время действия введенного сразу после окончания русско-японской войны «мобилизационного расписания № 18 восстановленного».

Анализируются причины и предпосылки разработки нового оборонительного плана войны, коренным образом отличавшегося от действовавшей в 1873—1904 гг. системы государственной обороны, разработанной военным министром Д.А. Милютиним и начальником Главного штаба Н.Н. Обручевым, носившей оборонительно-наступательный характер. Изучение планирующих документов периода действия «мобилизационного расписания № 18 восстановленного» показывает, что сотрудники ГУГШ стремились создать универсальный проект развертывания, в силу чего реконструировать стратегический план на случай войны на западной границе представляется затруднительным. Итоговый директивный документ русского военного планирования — «Руководящие основания главнокомандующему Северо-Западными армиями», разработанные в 1907 г., носил пассивно-выжидательный характер и не содержал четко поставленных задач. Делается вывод, что воссоздать замыслы русского командования на случай войны со странами Тройственного союза возможно только при помощи документов стратегических военных игр.

Реконструкция хода стратегических игр, проводимая на основе их делопроизводственной документации, позволяет утверждать, что русское военное планирование в 1906—1910 гг. характеризовалось наибольшим тяготением руководства Генерального штаба к оборонительной стратегии, что объяснялось катастрофическим состоянием армии и флота России после окончания русско-японской войны. Источниковедческое изучение материалов военных игр позволяет воссоздать взгляды руководства русского Генштаба на стратегическое применение сухопутных вооруженных сил империи в случае войны. Разработчики плана войны смирялись с потерей Царства Польского и допускали отход во внутренние губернии вплоть до Западной Двины и Днепра. Считалось необходимым вести оборонительные действия в течение одного-трех месяцев, после чего планировался переход в наступление силами свежих войск внутренних и периферийных военных округов. Главные силы русской армии развертывались против Германии. Особенно ярко взгляды русского Генерального штаба на вероятный сценарий развития военных действий отразились в документах игр штаба Московского военного округа. В ходе занятий его войска, выступавшие в качестве стратегического резерва Верховного Главнокомандующего, наносили ответный удар по растянутым

коммуникациям германских войск, вторгнувшихся в глубь территории Российской империи.

Во втором параграфе анализируются документы стратегических военных игр русского Генштаба, проведенных во время действия первого варианта «мобилизационного расписания 1910 года», действовавшего в 1910—1912 гг. Рассматриваются причины, приведшие к разработке «мобилизационного расписания 1910 года», раскрывается роль в его создании начальника штаба Варшавского военного округа генерал-лейтенанта Н.А. Клюева. В это время происходит коренной поворот в сторону подготовки к ведению наступательных действий. А.М. Зайончковский оценивал «мобилизационное расписание 1910 года» крайне негативно, отмечая его пассивный характер. Историк считал, что в 1910 — начале 1912 г. русское стратегическое планирование переживало период наибольшего тяготения к обороне. Однако обращение к материалам военных игр позволяет опровергнуть это утверждение.

Реконструкция хода стратегических военных игр, проведенных в 1910—1911 гг., выполненная по их документам, показывает, что происходит перемена во взглядах на стратегическое применение сухопутных вооруженных сил, выразившаяся в коренном повороте в сторону подготовки к ведению наступательных действий. Источниковедческое изучение материалов военных игр окружных штабов 1910 и 1911 гг. подтверждает, что новый план войны, задуманный как оборонительный, после завершения его разработки приобрел противоположную направленность. Германия по-прежнему рассматривается как главный противник, однако теперь руководство ГУГШ, взяв на вооружение идеи Клюева, разрабатывает план концентрического наступления в пределы Восточной Пруссии. Подготовленные в конце 1910 г. дополнительные маршруты перевозок корпусов Московского и Казанского военных округов в корне меняли первоначальную концепцию «мобилизационного расписания 1910 года», т.к. отвечали другой задаче — сокрушению вооруженных сил Германской империи. План вторжения в Восточную Пруссию был отработан в ходе двух больших военных игр при штабе Варшавского военного округа в 1910 и 1911 гг. В пользу того, что план войны 1910 г. носил наступательный характер, свидетельствуют подготовительные материалы несостоявшейся стратегической военной игры

командующих военными округами в декабре 1910 г., в процессе которой предполагалось протестировать упоминавшиеся выше дополнительные планы перевозок.

Третий параграф посвящен анализу документов стратегических военных игр Генерального штаба русской армии, проведенных во время действия модифицированного варианта «мобилизационного расписания 1910 года», действовавшего в 1912—1914 гг. и реализованного в начале Первой мировой войне. Этот этап развития русского плана войны также характеризовался господством наступательных взглядов. Но теперь руководство ГУГШ рассматривало в качестве главного противника Австро-Венгрию. Вместе с тем оно не собиралось отказываться от активных действий против Германии. Переоценивая наступательные возможности русской армии, военное руководство империи пошло на распыление сил между двумя стратегическими направлениями. Созданный в 1912 г. на основе предложений начальника штаба Киевского военного округа М.В. Алексеева и действовавшего антигерманского плана войны рискованный проект развертывания не отвечал современному состоянию сухопутных вооруженных сил России и не позволял добиться решающего численного превосходства над противниками ни на одном из них. Ошибки, заложенные в русский план войны, следует считать одной из основных причин неудач русских войск в августе 1914 г.

Реконструкция хода военных игр 1912—1914 гг., проведенная по их документам, позволяет говорить о существовании серьезных противоречий внутри Генерального штаба России по вопросам стратегического планирования. Проведение штабом Варшавского округа в 1912—1913 гг. военных игр, направленных на отработку оборонительных действий на границе с Восточной Пруссией, свидетельствует о том, что окружное руководство не разделяло слишком смелых взглядов ГУГШ. Однако сотрудники центрального органа Генерального штаба разрабатывали план войны 1912 г. исходя из общегосударственных интересов России, тогда как осторожное планирование окружных штабов отвечало исключительно требованиям военной стратегии, указывавшим на необходимость сосредоточения главных сил на австро-венгерском направлении. Руководство Варшавского и Киевского военных округов недооценивало значение взятых Россией обязательств перед Францией, несоблюдение которых могло обернуться

разгромом обоих союзников поодиночке. Делается вывод, что первоисточником всех бед, преследовавших русские войска во время неудачной Восточно-Прусской операции и неоднозначной по результатам Галицийской битвы следует считать отсутствие единого взгляда в русском Генеральном штабе на планирование первых операций. Ярким примером существования противоречий между ГУГШ и военными округами служит стратегическая игра старших войсковых начальников в Киеве 20—24 апреля 1914 г., организованная ГУГШ с целью продемонстрировать окружному руководству непогрешимость плана войны России.

Общие результаты и итоги исследования изложены в **заключении**. Делается вывод, что в начале XX в. стратегические военные игры заняли прочное место в оперативной подготовке старшего командного состава и штабных работников, а также нашли повсеместное применение в работах по стратегическому планированию. Полученные результаты позволяют опровергнуть устоявшееся в отечественной историографии мнение о недостатке внимания, уделяемого военным играм русским Генштабом. Реконструкция хода военных игр 1906—1914 гг., проведенная на основании комплексного изучения их документации игр, и последующее сравнение содержащейся в них информации с данными планирующих документов Генерального штаба позволили воссоздать процесс разработки плана войны России и раскрыть его эволюцию. Результаты исследования дают возможность пересмотреть традиционную хронологию развития русских военных планов между русско-японской и Первой мировой войнами. Обращение к документам военных игр показывает, что в стратегическом планировании, осуществлявшемся Генеральным штабом Российской империи в 1906—1914 гг., следует выделить три этапа: 1) 1906—1910, 2) 1910—1911, 3) 1912—1914. Их содержание подробно раскрывается в диссертации. Изучение материалов военных игр Генштаба Российской империи 1906—1914 гг. позволяет говорить о коллективной ответственности ГУГШ и окружных штабов за неудачное начало Первой мировой войны на Восточном фронте. Эти документы являются неопровержимым доказательством неудовлетворительной работы Генерального штаба императорской России перед Первой мировой войной.

В **приложении № 1** приведены таблицы, отражающие некоторые количественные результаты изучения документов стратегических военных игр

Генерального штаба России, а также таблицы, содержащие подробные сведения о развертывании русской армии на западной границе по планам войны 1906—1912 гг. **Приложение № 2** содержит схемы стратегических военных игр и планов развертывания русской армии. В **приложении № 3** публикуется ряд документов стратегических военных игр, иллюстрирующих особенности оформления основных разновидностей этих материалов.

Апробация результатов исследования. Ключевые положения диссертации были изложены в ряде статей, а также в докладах на международных и всероссийских научных конференциях: «Государственные учреждения России XX—XXI вв.: традиции и новации» (Всероссийская научная конференция, посвященная памяти проф. Н.П. Ерошкина. Москва, 30 января 2008 г.); «Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания» (Международная научная конференция. Москва, 31 января—2 февраля 2008 г.); «Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное» (XII Всероссийская научно-теоретическая конференция. Москва, 29—30 мая 2008 г.); «Гуманитарное измерение глобализации» (Межвузовская междисциплинарная конференция студентов и аспирантов в рамках Гуманитарных чтений РГГУ. Москва, 1 апреля 2010 г.); «Сотрудничество и связи России и СССР с народами зарубежных стран XX в.» (XIV Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 50-летию РУДН. Москва, 20—21 мая 2010 г.); «Первая мировая война и современный мир» (Международная научно-практическая конференция. Москва, 26—27 мая 2010 г.); «Первая мировая война в истории и культуре России и Европы» (Международная научно-практическая конференция. 25—26 октября 2013 г., Калининград, Гусев); «Первая мировая война. Взгляд спустя столетие: Предвоенные годы» (Международная научно-практическая конференция. Москва, 28—29 ноября 2013 г.); «Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI вв.: призвание, творчество, научное служение историка» (XXVI международная научная конференция памяти С.О. Шмидта. Москва, 14—15 апреля 2014 г.).

Основные результаты исследования представлены в 17 печатных работах, в т.ч.

- в ведущих рецензируемых журналах

1. *Алпеев О.Е.* Документы стратегических военных игр русского Генерального штаба 1906—1914 гг. в фондах Российского государственного военно-исторического архива // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 42—48.

2. *Алпеев О.Е.* Документы стратегических военных игр русского Генерального штаба 1906—1914 гг.: состав и методика источниковедческого изучения // Вестник архивиста. 2014. № 1. С. 54—66.

3. *Алпеев О.Е.* Организация и порядок проведения стратегических военных игр Генерального штаба русской армии в 1906—1914 гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 42. С. 225—261.

4. *Алпеев О.Е.* История появления и развития военной игры в русской армии (1824—1905 гг.) // Военно-исторический журнал. 2014. № 6. С. 28—32.

5. *Алпеев О.Е.* Введение военной игры в качестве обязательной формы подготовки генералов и офицеров в русской армии накануне Первой мировой войны (1906—1914 гг.) // Военно-исторический журнал. 2014. № 7. С. 40—44.

6. *Алпеев О.[Е.]* Стратегические императивы двенадцатого года: Рождение последнего плана войны Российской империи // Родина. 2014. № 8. С. 3—7.

- прочие

7. *Алпеев О.Е.* Генеральный штаб русской армии и стратегическое военное планирование (1906—1914 гг.) // Государственные учреждения России XX—XXI вв.: традиции и новации: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти проф. Н.П. Ерошкина. Москва, 30 января 2008 г. / Сост. Л.Д. Шаповалова, М.А. Андреев. М., 2008. С. 125—130.

8. *Алпеев О.Е.* «Вести наступление очень методично...»: Взгляды начальника штаба Варшавского военного округа генерала Н.А. Клюева на проблему вторжения в Восточную Пруссию // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2008 / отв. редакторы В.М. Козьменко, В.В. Керов, М.Ф. Румянцева. М., 2008. С. 165—178.

9. *Алпеев О.Е.* Германские стратегические военные игры 1905—1913 гг. в документах разведки русского Генерального штаба // Вспомогательные

исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. — 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. / редкол.: М.Ф. Румянцева (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. источниковедения и вспомогат. ист. дисциплин. М., 2008. Ч. 1. С. 161—164.

10. *Алпеев О.Е.* Корпус офицеров Генерального штаба русской армии перед первой мировой войной: обучение, служба и боевая подготовка // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное: Материалы XII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 29—30 мая 2008 г. / отв. редакторы В.М. Козьменко, В.В. Керов. М., 2008. С. 9—16.

11. *Алпеев О.Е.* Роль союзнических обязательств перед Францией в русском военном планировании (1891—1914 гг.) // Сотрудничество и связи России и СССР с народами зарубежных стран XX в.: Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию РУДН. Москва, РУДН, 20—21 мая 2010 г. / отв. редакторы В.М. Козьменко, В.В. Керов. М., 2010. С. 3—9.

12. *Алпеев О.Е.* Борьба в русском Генеральном штабе из-за вопросов военного планирования во время мобилизационного кризиса 1912—1913 гг. // Первая мировая война. Взгляд спустя столетие: доклады и выступления участников Международной конференции «Первая мировая война и современный мир» / Под общ. редакцией С.С. Степанцова, Е.Ю. Сергеева. М., 2011. С. 190—200.

13. *Алпеев О.Е.* На пути к Каннам. Планирование «похода в Восточную Пруссию» в штабе Варшавского военного округа, 1872—1914 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. М., 2011. Т. X. С.183—260.

14. *Алпеев О.Е.* Военные игры русского Генерального штаба // Россия в Первой мировой войне. 1914—1918: Энциклопедия: В 3 т. / отв. редактор А.К. Сорокин. М., 2014. Т. 1. А—Й. С. 396—397.

15. *Алпеев О.Е.* Документы несостоявшейся военной игры старших войсковых начальников 1910 г. как источники по истории русского стратегического планирования накануне Первой мировой войны // Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI в.: призвание, творчество, научное служение историка: материалы XXVI международной научной

конференции. Москва, 14—15 апреля 2014 г. / редкол.: Ю.Э. Шустова (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Высшая школа источниковедения, спец. и вспомогат. ист. дисциплин. М., 2014. С. 109—111.

16. *Алеев О.Е.* План войны России // Россия в Первой мировой войне. 1914—1918: Энциклопедия: В 3 т. / отв. редактор А.К. Сорокин. М., 2014. Т. 2. К—П. С. 726—732.

17. *Алеев О.Е.* Стратегическая военная игра 1914 // Россия в Первой мировой войне. 1914—1918: Энциклопедия: В 3 т. / отв. редактор А.К. Сорокин. М., 2014. Т. 3. Р—Я. С. 252—253.